

**Н.К. Хузиятова**

*Дальневосточный государственный университет, Владивосток*

**Разработка категории субъектности  
в китайском литературоведении 1980-х годов**

*Аннотация:* В статье анализируются усилия китайских литературоведов в разработке важнейших для модернизма категорий субъекта и субъектности. Особое внимание уделено работам китайского ученого и критика Лю Цайфу, в которых суммируется суть двух связанных процессов в развитии постмаоистской литературы – возвращение литературе гуманистических ценностей и обретение новой субъектности.

The article analyzes efforts by Chinese literary scholars to develop the most important for modernism categories of subject and subjectness. A special attention is paid to the works of Chinese scholar and critic Liu Zaifu, which summarize the essence of the two related processes in the development of post-Mao literature, i.e. to return human values to literature, and to find new subjectness.

*Ключевые слова:* китайская литература, модернизм, «новый период», субъектность литературы.

Chinese literature, modernism, “new period”, subjectness of literature.

УДК: 82.02.

*Контактная информация:* Владивосток, Океанский проспект, 39. ДВГУ, филологический факультет, кафедра китайской филологии. E-mail: nadya1219@mail.ru.

Модернистские тенденции в творчестве современных китайских писателей отчетливо проявились в первое десятилетие после «культурной революции» (1966 – 1976 гг.). Этот достаточно короткий промежуток времени от провозглашения курса на проведение экономических реформ и открытости в декабре 1978 г. (III пленум ЦК КПК 11-го созыва) до событий 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь принято именовать «новым периодом». Он рассматривается как вполне самостоятельный и завершённый этап развития китайской литературы, связанный, прежде всего, с возрождением гуманистических идеалов Движения 4 мая 1919 г. за новую культуру, восстановлением разрушенных в ходе «культурной революции» человеческих ценностей, распространением западной литературы и эстетики, возникновением множества реалистических, промодернистских и модернистских направлений и групп.

К середине 1980-х гг., благодаря появлению таких работ как «Кто же я?» Цзэн Пу, «У тебя нет иного выбора» Лю Сола, «Вариации без темы» Сюй Сина, «Сумасшедшая Орхидея» Чжан Синьсинь, «Светящаяся красная редька» Мо Яня, «Папапа» Хань Шаогуна, «Домик на горе» Цань Сюэ китайская модернистская проза заявила о себе как отчетливо выраженная тенденция литературы «нового периода». Нередко эту прозу критики называют авангардной. По мнению Тан Чуляна – автора «Истории модернизма в Китае», смещение интереса в сторону модернистских повествовательных моделей произошло потому, что, во-первых, литература остро нуждалась в обновлении форм; во-вторых, требовалось переос-

мысление связей человек – человек, человек и общество, человек и его «я», человек и природа, человек и культура в новых исторических условиях; в-третьих, писатели хотели соответствовать эстетическим запросам молодой читательской аудитории, чьи представления о литературе к тому времени уже не укладывались в рамки традиционного реализма [Tan, 1997, p. 363].

Для китайской литературы 1980-х годов формирование новой субъектности, способной утвердить индивида в статусе автономного субъекта, превратилось в один из главных вопросов ее существования. В основе такого поиска нового субъекта и новой субъектности лежало глубокое ощущение кризиса идентичности, переживаемого нацией, в целом, и остро ощущаемого молодыми китайскими писателями, в особенности. За программой восстановления человеческого субъекта лежало стремление писателей заново определить их собственные отношения с властью и отношение к обществу, доминирующие принципы которого после «культурной революции» были разрушены. Хотя писатели были всегда одним из первичных объектов расследований и политических кампаний в маоистском Китае, тем не менее, на них возлагалась ответственность за распространение коммунистической морали посредством их произведений. Таким образом, хотя среди писателей время от времени и раздавались диссидентские голоса, в целом им отводилась ортодоксальная роль рупора маоистских догм. Несмотря на принудительный характер отношений между партией и писателями, эта роль, признаваемая и ожидаемая обществом в целом, принималась и большинством представителей творческой интеллигенции, что, таким образом, формировало основу их самоидентичности.

Когда после «культурной революции» наиболее радикальные маоистские принципы были дискредитированы, это естественно, привело китайских литераторов к кризису идентичности и легитимности. В новых условиях они должны были заново определить свое место: с одной стороны, отбросить навязанную им идентичность как официального рупора, с другой стороны, найти новую роль, способную заменить им их пострадавшее «я». Таким образом, казалось бы, сугубо теоретический, вопрос субъектности становился точкой прорыва в стремлении литераторов определить свое новое местоположение.

Впервые после «культурной революции» вопрос о субъектности был поднят Ли Цзэху – одним из ведущих мыслителей Китая исследуемого периода. В 1979 году ученый опубликовал работу «Критика критической философии: исследование Канта». Исправленное издание вышло в 1984 году и включало его лекцию 1981 года «Философия Канта и тезис о создании субъективности». Книга Ли Цзэху трудна, и его идеи сложны. Однако во время культурного голода конца 1970-х – начала 1980-х годов его исследование пробудило в интеллектуальных кругах интерес к изучению субъектности и философии Канта, что когда-то подвергалось преследованию со стороны маоистской идеологии [Li, 1979; Cai, 1995, p. 22–23].

В конце 1985 – начале 1986 гг. Лю Цзайфу, в то время директор Института литературы Академии общественных наук Китая, опубликовал статью «О субъектности литературы» [Liu, 1985, p. 11–26; Liu, 1986, p. 3–19]. В этой статье и ряде дальнейших исследований на ту же тему Лю Цзайфу признает влияние Ли Цзэху на свое мышление, высоко отзываясь о пионерском проекте Ли в исследовании человеческой субъектности в постмаоистском Китае. Заметим, что акцент на креативную субъектность есть «дежавю» в коммунистической литературной истории Китая. Предшественником Лю Цзайфу был Ху Фэн (1903–1985), который в свое время дорого заплатил за свою крайнюю «ересь» (арестованный в 1955 г., он был выпущен из тюрьмы в 1979 г., а окончательно реабилитирован лишь в 1989 г.) [Cai, 1995, p. 24–26; Маркова, 1975, с. 3–36; Сорокин, 2000, с. 170–178].

Эссе Лю Цзайфу о субъектности суммирует суть двух связанных процессов в развитии постмаоистской литературы – возвращение литературы гуманистиче-

ских ценностей и поиск новой субъектности. Центром теории Лю Цайфу, изложенной в статье «О субъектности в литературе», является формула «литература есть человековедение» [Liu, 1985, p. 13]. Реализация этой высшей цели достигается путем полного раскрытия субъектности человеческого субъекта. Лю дает простые и прямые определения «субъекта» и «субъектности». Субъект выступает в качестве категория практической деятельности. Субъектность есть необходимая человеческая сила, которая присуща существованию субъекта и воплощена в мире объекта. «Само по себе внимание к субъектности, то есть к тому, что присуще субъекту – есть подчеркивание в человеке активного начала, его воли, способностей, творческого потенциала, места и значения в культурно-историческом процессе» [Ibid., p. 11–12].

Мир по Лю Цайфу – это многозначный объект, созданный субъектом. Он выделяют две составляющие субъектности – то, что соотносится с практической деятельностью субъекта, и относящееся к сфере духа. Субъектность как духовный мир человека («духовная субъектность») – это некий священный, независимый, наполненный богатым содержанием мир, равный миру природы, вернее, это и есть другой мир, другой космос, существующий параллельно с внешним. Мир/космос внешний есть овеществление необходимой человеческой силы, мир значения. Таким образом, субъектность человеческого бытия осознается созданием мира объекта и превращением внешнего мира/космоса в свидетельство собственных субъективных сил человека. Овеществление мира есть лишь способ, которым субъект может создать и доказать свою субъектность. Полная реализация овеществления способна привести к стиранию различий между объектом и субъектом, когда объект полностью интегрирован в субъект.

Из теории литературной субъектности Лю явствует, что, во-первых, поскольку объект создан человеком, мир теряет свое качество «вещь в себе»; во-вторых, литературное творчество выходит за пределы своей эпистемологической функции и становится для субъекта средством осознания и доказательства своей собственной субъектности. Как показывает название его статьи, Лю Цайфу «заинтересован», прежде всего, в провозглашении субъектности человеческого субъекта в литературе. «Субъектность литературы» рассматривается Лю в трех аспектах: 1) субъектность писателя как творца; 2) субъектность человеческих характеров в вымышленном мире; 3) субъектность читателей и критиков в их опыте прочтения литературы.

Лю Цайфу разъясняет каждую категорию. Он начинает с наиболее очевидного – субъектности литературных персонажей. Литература может иметь дело с природой, историей и обществом, но «только человек является фундаментальным объектом для литературного творчества» [Ibid., p. 15]. Для писателей человеческие характеры являются объектом изображения, но в их собственной социальной среде персонажи функционируют как самоценные субъекты с независимым сознанием. К сожалению, теория «детерминизма среды» в коммунистической литературе в значительной степени отрицает самоопределение индивида. Персонажи не рассматриваются как интерактивные силы, создающие среду и подвергающиеся ее влиянию. Изображенные как «жалкие твари», они полностью находятся под контролем внешних сил. В рамках абстрактных представлений о классовой природе, индивидуальность исчезает, акцент на классовую природу «топит» субъектность характеров. Вынужденные повиноваться требованиям классовой борьбы, они теряют способность действовать как свободные субъекты от своего имени, исходя из своих ценностей. В результате литература больше не литература человека, она вырождается в трактовку «семиотики» социальной группы. Как следствие, сложность человеческой души скрывается за внешними конфликтами классовой борьбы, эмоциональный внутренний мир человека уступает детальным описаниям социальных событий, таких как революционная война и строительство социализма. Лю Цайфу утверждает, что каждый человек со своей уникальной

личной историей не является лишь продуктом среды. Напротив, он имеет огромную силу контрвлияния на нее, осознавая свою субъектность в процессе. Писатели должны относиться к персонажам с уважением, наделяя их индивидуальностью и душой, позволять им вести себя самостоятельно, даже против воли авторов [Liu, 1985, p. 15–20].

Говоря о субъектности писателей, Лю Цзайфу, прежде всего, говорит о «духовной субъектности». Под ней он понимает динамичную роль писателя в литературном творчестве. Предоставление свободы творчества приведет к самореализации, определяемой Лю Цзайфу как «полная демонстрация духовного мира писателя». Лю делит самореализацию на два уровня. Первый – поверхностный уровень, осознанная реализация личного видения жизни в произведениях. Более глубокий уровень самореализации есть «экстериоризация духовной субъектности писателя» [Ibid., p. 22]. В творчестве писатель не только достигает полной свободы выражения своего «я», но она и формируется в самом процессе. Однако, находясь под гнетом укоренившейся философии «золотого сечения», а позже – политизации литературы, и традиционные интеллектуалы, и писатели коммунистического Китая разделяли ту же ментальность самоподавления, в которой «я» всегда находится на страже собственного творческого импульса, чтобы соответствовать требованиям единообразия. Лю не разъяснил, что означают традиционные интеллектуалы, и о какой династической эпохе он говорил. В различные периоды индивидуальность понималась по-разному, и степень терпимости к ней была разной [Ibid., p. 20–26].

Включение субъектности читателя в список Лю Цзайфу относится к теме, которая прежде редко исследовалась в китайской литературной теории. В условиях невысокой грамотности населения и морального бремени, традиционно возлагавшегося на литераторов, субъектность читателя привычно игнорировалась. Даже теория «субъективного бойцовского духа» Ху Фэна относится только к писателю. Несмотря на различия между лозунгами Ху Фэна «вэньхуа дачжун» («просвещение масс») и Мао Цзэдуна «дачжун вэньхуа» («литература для широких народных масс»), исходный момент один и тот же: читатель – это тот, кого нужно образовывать и воспитывать. Лю Цзайфу утверждает, что, во-первых, относиться к читателю как бездуховному реципиенту – значит отрицать его способность субъективного творчества и критики в процессе чтения. Во-вторых, упускать субъектность читателя – значит принижать художественные работы до уровня неких ретрансляторов знаний, игнорируя их эстетическую функцию совершенствования человеческой природы и удовлетворения эмоциональных потребностей читателя [Liu, 1986, p. 3–8].

Как видно из этого краткого изложения, эстетический проект Лю Цзайфу наделен онтологическим значением. Субъектность, призванная восстановить литературных субъектов, писателя, персонажа и читателя, есть их свобода создавать свое собственное значение. В условиях строгого партийного контроля в выборе персонажей, который осуществлялся через литературные доктрины, само по себе представление негероических персонажей уже есть утверждение художественной автономии. В еще большей степени сказанное относится к поиску новых репрезентативных форм. Молодые китайские писатели, вышедшие на литературную сцену в середине 1980-х гг., стремились провозгласить художественную самостоятельность и настаивали на том, что литература есть эстетический эксперимент, не обремененный каким-либо внелитературным смыслом.

### Литература

- Маркова С.Д. Маоизм и интеллигенция: проблемы и события, 1956–1973. М., 1975.
- Сорокин В. Ху Фэн, его взгляды, его судьба // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.
- Cai Rong. The Subject in Crisis in Contemporary Chinese Literature. Saint Louis, Missouri, 1995.
- Li Zehou. Pipan zhexue de pipan – Kangde shuping [Ли Цзэхоу. Критика критической философии: исследование Канта]. Beijing: Renmin chubanshe, 1979.
- Liu Zaifu. Lun wenxue de zhutixing [Лю Цзайфу. О субъектности литературы] // Wenxue pinglun. 1985. № 3.
- Liu Zaifu. Lun wenxue de zhutixing [Лю Цзайфу. О субъектности литературы (продолжение)] // Wenxue pinglun. 1986. № 1.
- Tan Chuliang. Zhongguo xiandaipai wenxue shilun [Тан Чулян. История модернистской литературы в Китае]. Shanghai: Xuelin chubanshe, 1997.